

АНТИЧНЫЕ БУКОЛИКИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ М.Н. МУРАВЬЕВА (К ИСТОКАМ СЕНТИМЕНТАЛИЗМА)

Рассматриваются буколические традиции в русской литературе XVIII в. и творчестве М.Н. Муравьева в частности. Сравниваются переводы начальных стихов (1–17) эклоги первой «Буколики» Вергилия, выполненные М.Н. Муравьевым и В.Г. Рубаном. Переводы сопоставляются в их лексико-семантической, синтаксической и эмоциональной близости к первоисточнику. Отмечаются традиции классицизма и новые веяния сентиментализма в переводе М.Н. Муравьева.

Ключевые слова: перевод; римская поэзия; Вергилий; буколики; русская литература XVIII в.; М.Н. Муравьев; В.Г. Рубан; классицизм; сентиментализм.

М.Н. Муравьев – одна из самобытнейших фигур русского Просвещения, человек универсального дарования, оказавший влияние на развитие словесной культуры рубежа XVIII–XIX вв. Поэт, прозаик, переводчик, историк, философ, государственный и общественный деятель, он заложил основы новых для русской литературы жанров, став предвестником русского сентиментализма, воспитателем будущего императора Александра I, попечителем Московского университета, товарищем министра народного просвещения, оставил после себя таких гениальных последователей, как Н.М. Карамзин, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский. Достоверно известно, что творчество М.Н. Муравьева высоко ценили Г.Р. Державин, А.С. Пушкин.

Время творчества М.Н. Муравьева (конец XVIII – начало XIX в.) – переломный период в истории мировой и русской культуры, когда сошлись две системы – классицизм и сентиментализм – и обе обратились к Античности. Влияние Античности на литературный процесс этого периода огромно. Классицисты нашли в ней те правила и образцы, которые были родственны их собственным литературным задачам (культ разума, гражданственности, общественной пользы, просветительства). Сентименталисты обратили внимание на эмоциональный строй античной литературы, на проблему «чувствительного человека».

Таким образом, истоки литературных, культурных, исторических, философских взглядов М.Н. Муравьева следует искать в Античности, в частности в творчестве Вергилия.

Влияние Вергилия на творчество М.Н. Муравьева началось очень рано. В конце 1770 г. его отец получает назначение в Вологду и берет с собой сына. Позже М.Н. Муравьев вспоминал об этом времени: «Где то прекрасное время, когда, еще не имея ни способов, ни столько просвещения, просиживал я дни... в Вологде за Вергилием...» [1. С. 279].

М.Н. Муравьев очень трепетно относился к Вергилию, называл его в «Эмилиевых письмах» (1790 г.) «главой стихотворцев римских» [Там же. С. 142], высоко ценил его творчество; «Буколики» были, по его мнению, «совершеннейшими в своем роде стихотворениями» [2. С. 251]. Для М.Н. Муравьева, стоявшего у истоков русского сентиментализма, очень важны чистота, мягкость и чувствительность античного автора в «Буколиках»: «Ничто не может более засвидетельствовать тихости и нежности его нрава, как сие самое, что первое избрание его склонилось к эклогу» [Там же. С. 252].

В связи с этим встает вопрос о влиянии Вергилия на поэзию М.Н. Муравьева, его переводную деятельность.

Цель данной работы – исследование рецепции буколических традиций Вергилия в оригинальном творчестве М.Н. Муравьева и выявление своеобразия поэтики перевода М.Н. Муравьевым отрывка из поэмы Вергилия «Буколики» в сравнении с переводом В.Г. Рубана.

В соответствии с поставленной целью необходимо обозначить античные буколические традиции в русской литературе XVIII в. и оригинальном творчестве М.Н. Муравьева, выявить художественное своеобразие переводов М.Н. Муравьева и В.Г. Рубана начальных стихов (1–17) эклоги первой «Буколик» Вергилия путем их сравнительно-сопоставительного анализа, а также выявить традиции классицизма и новые веяния формирующего сентиментализма в переводе М.Н. Муравьева.

Поэма «Буколики» написана Вергилием в 41–39 гг. до н.э. во время гражданских войн в Италии. Это была попытка автора уйти от ужасов действительности в прекрасную, идеальную Аркадию, населенную мирными пастухами, которые состязаются в пении, ссорятся, мирятся, а вокруг царит любовь:

Omnia vincit amor et nos cedamus amori

Все побеждает Амур, итак – покоримся Амуру!

(стих 69 эклоги X, перевод С. Шервинского)

Как писал И. Бродский, «люди жаждали мира и стабильности, и, вероятно, поэтому Вергилий выбрал пасторальную (т.е. сельскую) декорацию как для своей поэзии, так и для своего реального обитания. Земля осталась единственным оплотом, и в приверженности поэта философии “жить в согласии с природой” мы чувствуем ноту того отчаяния, которое и есть мать мудрости» [3. С. 5]. Вергилий объединил сочиненные им пастушеские песни в сборник из десяти эклог, нечетные стихи были написаны в диалогической форме, четные – в повествовательной. Организующим началом произведения стало изображение жизни пастухов, которыми Вергилий откровенно любит, сочувствует их переживаниям, радуется любовным и поэтическим победам.

«Главным героем» «Буколик» становится пение, автор делится радостью, наслаждением от возможности изливать свою душу с помощью поэзии, творчества, для него и его героев петь – значит жить настоящему. По мнению М. фон Альбрехта, «буколика – одна из привлекательнейших и наиболее таин-

ственных ветвей поэтического древа и при этом один из самых противоречивых жанров. Внешне она подчеркнута проста, но может обращаться к самым возвышенным предметам. В конечном счете у нее фольклорные корни, однако именно она в особой степени стала поприщем высокого поэтического искусства. Иногда кажется, что она удаляется от реального мира, однако вновь и вновь помогает его преодолению» [4. С. 726]. Как отмечают филологи-классики, философией «Буколик» становится показ идеального мира, свободного от человеческих пороков, от стремления к богатству и власти. Пастухи Вергилия условны, они воплощают идеал частной жизни, прекрасных чувств на лоне природы, показанной также весьма условно [5].

Введя в римскую литературу жанр буколик, Вергилий следовал традициям ориентации на греческую литературу, в частности на идиллии Феокрита (III в. до н.э.), в которых постоянно использовался литературный прием «ответной» («амебейной») песни двух состязающихся пастухов. Но пастухи Вергилия более условны, бытовые подробности, часто грубые у Феокрита, затушеваны, любовное чувство передано не иронично, а напряженно и трагично. Используя материал греческого поэта, Вергилий создал нечто новое по настроению.

В русской литературе XVIII в. первооткрывателем буколической поэзии стал В.К. Тредиаковский. Он создал теоретическую базу для этого жанра, определив круг действующих лиц, место действия, сюжет, окружающую обстановку. Именно В.К. Тредиаковский указал на воспитательное воздействие буколической поэзии: «Всяк, кто полюбопытствует читать авторов, писавших о деревенской жизни, увидит, что они все говорят об ней с похвалою, как о целомудренной и блаженной. Предлагают они всегда, что деревенская жизнь ведет человека к справедливости, к воздержанности, к трезвости, к искренности, словом, ко всем добродетелям, и что хранит она его, как в закрытии, от всех волнующих и кипящих страстей...» [6. С. 722]. В 1756 г. В.К. Тредиаковский написал первую русскую буколическую оду «Вешнее тепло», воспевающую весну, пробуждение природы. В ней он описывает разные занятия сельских жителей (пастуха, рыбака, пахаря, охотника) и поет гимн простым человеческим радостям:

Ишел и пастырь в зланы луги
Из хижин, где был чадный мрак;
Сел каждый близ своей подруги,
Ослабленный склонив к ней зрак;
В свирель играет и в цевницы,
Исполнь веселий в сень зарницы:
Там кароводы, в тишь погод,
Плясанием своим красятся;
Там инде песенки гласяся;
Безвинных много там выгод! [7].

Эклоги и идиллии также писал А.П. Сумароков, изображая пастушков и пастушек и выражая в их образах мечту об идеальных человеческих отношениях.

В 1771 г. юным М.Н. Муравьевым (в 14 лет) написана «Эклога» с посвящением А.В. Олешеу (писатель, переводчик философских произведений, близкий знакомый М.Н. Муравьева, 1724–1788 гг.), которая явно переключается с «Буколиками» сюжетом,

действующими лицами, настроением: два пастушка, Дафнис и Коридон (показательно, что М.Н. Муравьев использует греческие имена для героев пастушеских стихов) поутру выводят своих овец на пастбище:

Уже два пастуха, два юноши прекрасны,
Искусны оба петь и в песнях их согласны,
С горы высокой в дол овец повели
На паства, где цветы весенни расцвели

[8. С. 85].

В такой идиллической обстановке, на лоне природы, начинается состязание в пении. Вначале Дафнис и Коридон договариваются о закладе, и здесь заметна прямая отсылка к Вергилию, так как Дафнис ставит в заклад чашу, которую ему подарил Мелибей, оставляя эти пастбища. В ходе состязания оба пастушка воспевают разнообразные достоинства своих пастушек (Дафнис – Дорисы, Коридон – Еглеи), судит их Палемон, который в итоге присуждает победу обоим, иронично закончив:

Уж солнце в небесах высоко поднялось.
Вы пели – а меж тем все стадо разошлось

[Там же. С. 88].

«Эклога» подражательна, написана в русле классицистических традиций, но она доказывает, что пасторальная тема близка автору, уже тогда склонному к сентиментализму, своей идиллической направленностью, культом чувствительной и нежной личности, простых человеческих отношений.

Вариации на пасторальную тему звучат также в стихотворении «Возвращение весны» 1775 г., в котором изображается долгожданный приход весны, новой жизни, цветение, наступление радости вокруг. Пастушок со своей свирелью выходит в поле, однако всеобщего счастья он не разделяет:

Но в сердце пастуха весны приходу нет.
Твой, Ниса, хладный взор мрачит мой ясный свет.
Как все приемлет жизнь, я жду своей кончины

[Там же. С. 142].

Идиллическая картина наступления утра описывается в стихотворении «Прекрасной восход зари» 1775 г.:

Тогда росой прохладной
Смочен цветочек жадный, <...>
Кругом зефиры пляшут
И крылушками машут

[Там же].

Здесь же:

Украшены венками
Пастушки с пастухами

[Там же].

Пастушка Филомела в последний раз выходит в поле, и лирический герой замечает: она так прекрасно поет, что теперь без нее:

Все птички смелы,
Взлетев на древесю,
Ударят в голоса

[Там же].

Эстетике М.Н. Муравьева близка философия буколической поэзии. Сентиментализм, зарождавшийся в недрах его творчества, расставлял свои акценты в жанровой системе с учетом понятия «чувствительность», руссоистской идеи возвращения к природе в

поисках утраченной гармонии. М.Н. Муравьеву становится важен в буколиках не столько «пастушеский антураж», сколько культ уединения на лоне природы, душевного покоя, чувствительный пейзаж, «синтез “своего”, русского, с “античным”, в котором поэту угодно видеть не столько “чужое”, сколько известную соприродность, соотношенность того и другого через общее им “идиллическое” начало, разлитое в природе, и тех, кто населяет рощи, луга, берега реки...» [9. С. 82]. Кроме этого, близка М.Н. Муравьеву-сентименталисту и идея противопоставления городской, порочной и суетной, жизни и мудрой сельской: «...разворачивается контраст... города, гнезда пороков и волнений, и простой сельской жизни... Можно ввести особое понятие идеального ландшафта, выступающего как цель бегства... лирического персонажа и адекватного его устремлениям...» [10. С. 143].

Весной 1778 г. М.Н. Муравьев переводит начальные стихи (1–17) эклоги первой «Буколик», прикоснувшись таким образом к величайшей мировой литературной традиции, начатой Феокритом и обновленной Вергилием, что ярко демонстрирует человеческие и поэтические склонности молодого, но уже опытного переводчика.

До М.Н. Муравьева по одной-две строчки из второй, третьей, пятой, шестой эклог «Буколик» переведил только М.В. Ломоносов (есть отрывки, приведенные в «Риторике», и цитаты в других произведениях и письмах). В 1777 г. в Санкт-Петербурге вышло издание «П. Вергилия Марона Георгик, или О земледелии четыре книги», в котором был опубликован перевод Эклоги I, сделанный В.Г. Рубаном, поэтом, сотрудником и издателем журналов, переводчиком [11. С. 270]. Это единственный до М.Н. Муравьева перевод первой эклоги «Буколик», к тому же неизвестно, читал ли М.Н. Муравьев труд своего предшественника.

Начало поэмы – диалог Мелибея и Титира, двух пастухов. В этом эпизоде обозначены многие узловы́е моменты произведения: место действия, статус главных героев, волнующие их проблемы, общее настро-

ние. Диалогическая форма организации текста могла привлечь М.Н. Муравьева своими богатыми художественными средствами для показа живого, непринужденного общения героев, изображения мгновенного отклика на высказывание собеседника вместе с возможностью в неофициальной обстановке высказать свои жизненные принципы, идеи.

В целом перевод М.Н. Муравьева начальных стихов «Буколик» демонстрирует внимательное отношение к тексту Вергилия, к передаче характеров героев, общего настроения произведения. Большую роль в этом сыграл размер первоисточника и перевода. «Буколики» написаны гекзаметром, высоким, неспешным, торжественным шестистопным размером. М.Н. Муравьев передает его русским шестистопным дактилическим гекзаметром, отражающим ореол античного гексамetra. Автор, уже опытный переводчик, почувствовал лексико-синтаксический потенциал классицистического стиля и ритмические возможности гексамetra для передачи семантического и эмоционального пространства «Буколик». Кроме этого, М.Н. Муравьев успешно соединил в своем переводе традиции классицизма и новые веяния сентиментализма. Уже заметна склонность автора к лиризму, психологизму, о чем говорит и выбор отрывка для перевода, и сам перевод, созданный будущим основателем нового литературного направления. По мнению В.Н. Топорова, перевод М.Н. Муравьева начала эклоги I Вергилия представляет собой «...существенное приближение к переводу, собственно сам перевод, степень соответствия русского текста латинскому оригиналу достаточно высока... он достаточно точен, стилистически выверен и по своему уровню ближе к оригинальным стихотворным текстам Муравьева» [12. С. 530, 531].

Достоинства перевода М.Н. Муравьева ярко видны при сопоставлении его работы с переводом этих же стихов Вергилия В.Г. Рубаном (1742–1795 г.), опытным переводчиком, имевшим классическое образование, который сделал свой перевод годом ранее (1777 г.).

Подстрочный перевод:

1. Титир, ты, почивающий под покровом раскидистого дуба,
2. Лесную музу простой свирелью замышляешь:
3. Мы отечества пределы и милые оставляем пастбища.
4. Мы бежим из отечества; ты, Титир, нежащийся в тени,
5. Учишь леса повторять имя прекрасной Амариллиды.
6. О Мелибей, бог нам этот покой доставил,
7. И будет он мне всегда богом, его алтарь
8. Часто молодой ягненок из наших овчарен будет орошать.
9. Он моим быкам позволил бродить, как видишь, и самому
10. Играть, что хочу на сельской свирели. Мелибей
11. Я не завидую, я больше удивляюсь; отовсюду на
12. Всех полях идет тревога. Вот и сам коз

В.Г. Рубан:

1. Титир, ты ветвистаго возлежащий под сению бука,
2. Нежной пастушьей свирелкою муз услаждаешь дубравных;
3. Мы своих чужды домов, и оставивши нивы любезны:
4. Прочь из Отчизны бежим – ты Титир спокойно под тенью;
5. В рощах кудрявых гласить Амариллу прекрасную тишишься.
6. О Мелибей, сию Бог нам ныне отраду доставил:
7. Бог он мой будет всегда: и его Олтари освященны
8. Нежные Агнцы мои напаять будут кровию часто.
9. Он бо здесь волам, да и мне дозволяет, как видишь;
10. Что пожелаю, играть на приятной пастушьей свирелке. Мелибей
11. Я не завидую в счастье тебе, наипаче дивлюся
12. Все в восхищенье зря поле, а я моих козлиц

М.Н. Муравьев:

1. Ты почиваешь, Титир, под лиственным дуба широким,
2. Муза твоя между тем вымышляет сельские песни.
3. Чужды отечества, мы оставляем милые паства,
4. Мы оставляем отечество – ты же, о Титир, счастливец!
5. Ах! в роскошной тени о любовнице въздыхаешь...
6. О Мелибей, мне бог сотворил сию праздность, затем что
7. Будет он богом мне, будет он вечно – и нежный
8. Часто от стад моих агнец омоет алтарь его кровью.
9. Он-то телицам моим бродить по пажням тучным
10. (Зри, как они заблуждаются там), он-то позволил
11. Мне самому на свирели играть, как волнуется сердце. Мелибей
12. Пастырь, будь счастлив! Я не завидую, я удивляюсь,

13. Дальше гоню больной; эту даже с трудом, Титир, веду.
14. Здесь среди густого орешника только что двойню,
15. Надежду стада, ах, на голом камне, родившая, оставила.
16. Часто зло это нам, если ум не был бы неумелым,
17. Пораженные молнией, я помню, предсказывали дубы.

13. В дальней полянке пасу, да и то чуть Титир имею,
14. Там не за долго пред сим меж густого орешника двойни,
15. Стада надежда на голом ах! пали безвременно камне.
16. Часто несчастья сего я приметы не сложныя видел:
17. Дуб надо мною разбит от грозы, мне грозил сею напастью,
18. Часто и крик злых ворон с дубоватого клена я слышал [13. С. 101–103].

13. Что у владетелей паств их мило стяжанье отвсюду объемлют.
14. Я несчастный, я сам, с недугом насили борясь,
15. Козлищ влачу во изгнание: сию на верви, о Титир!
16. Здесь недалеко она в густом орешнике двойню,
17. Стада надежду, увы! На голом оставила камне.
18. Часто мне бедство сие предвещали громовые стрелы,
19. Кои, ниспад предо мной, пробежали древние дубы.

Перевод М.Н. Муравьева двух первых стихов более точен и образен, автор передает основные акценты первоисточника: отдыхающий в тени дуба пастух сочиняет простые песни о сельской жизни. В то же время перевод М.Н. Муравьева синтаксически прозрачен и прост, в отличие от перевода В.Г. Рубана, который в первом стихе приводит громоздкий и тяжеловесный оборот с родительным падежом и неоправданной инверсией (*ветвистаго возлежащий под сению бука*). Кроме этого, В.Г. Рубан заменяет слово *дуб* на *бук*, а *простая свирель* у него превращается в несколько легковесную *свирелку*. Второй стих у обоих переводчиков демонстрирует больший отход от первоисточника по сравнению с первым: у М.Н. Муравьева заменен субъект действия (*муза... вымышляет... песни*), а у В.Г. Рубана изменена семантическая составляющая текста (*муз услаждаеши*). Однако стих М.Н. Муравьева звучит художественней и легче, В.Г. Рубан же излишне утяжелил текст за счет инверсии.

Оба перевода 3–4-го стихов Вергилия удачны и схожи друг с другом. Переводчики акцентируют внимание на трагизме ситуации, когда люди становятся чужими на родине и вынуждены бежать, оставляя дорогие для себя места. Авторы используют важные ключевые слова *чужды*, *бежим* – *оставляем*, *милые паствы* – *нивы любезны*. Но у М.Н. Муравьева масштаб потери усилен, так как он более близко к Вергилию перевел первую строчку: у В.Г. Рубана герои *чужды домов*, а у М.Н. Муравьева – *чужды отечества*. К тому же М.Н. Муравьев смог передать авторскую анафору (*Мы... мы*), призванную увеличить напряжение момента, чего нет в переводе В.Г. Рубана.

В переводе 4–5-го стихов у М.Н. Муравьева усилен личностный, эмоциональный момент (Титир назван счастливецом), 5-й стих начинается с междометия *ах*, тогда как В.Г. Рубан передает состояние героя более нейтрально (*спокойно... тицишься*). Эпитет М.Н. Муравьева более ярок, красочен и оценочен (*в роскошной тени*), В.Г. Рубан говорит всего лишь о *кудрявых роцах*. Семантика перевода 5-го стиха у обоих переводчиков не совсем соблюдена, поэтому можно их сравнить по попытке передать настроение Вергилия: герой перевода М.Н. Муравьева страдает о любовнице, а у В.Г. Рубана глагол *тицишься* имеет, скорее, семантику мук творчества.

6–8-й стихи Вергилия переведены обоими авторами примерно с одинаковой точностью. Оба обращают внимание на доминирующий в этих стихах Вергилия образ бога-благодетеля (у М.Н. Муравьева – *будет он вечно*, у В.Г. Рубана – *он мой будет всегда*), перед

которым герой преклоняется, но в переводе М.Н. Муравьева этот акцент проставлен ярче, так как поэт, повторяя *будет он богом мне, будет он вечно*, обращает особое внимание читателей именно на этот факт. Агнец у авторов *нежный*, но момент жертвоприношения у М.Н. Муравьева передан более удачно с лексической и синтаксической сторон, а В.Г. Рубан, используя инверсию в 8-м стихе, затрудняет понимание текста. Слово *покой* первоисточника М.Н. Муравьев удачно передает эмоционально окрашенным *праздничность*, его перевод ближе к первоисточнику и одновременно точнее лексически и семантически.

9–10-му стихам Вергилия у В.Г. Рубана соответствуют также 9–10-й стихи, а у М.Н. Муравьева – 9–11-й. Здесь к находкам М.Н. Муравьева относится анафора *он-то*, передающая чувство особой признательности героя за все своему благодетелю, удачно сделан акцент на лирическое начало с помощью придаточного *как волнуется сердце*. Всех этих моментов нет в переводе В.Г. Рубана, он достаточно безыскусно передает общий смысл стихов Вергилия, добавив к *свирелке* лишь эпитет *приятной*. Неудачей В.Г. Рубана стало отсутствие в переводе глагола, относящегося к существительному «волам» (у Вергилия это *бродить*). От этого семантика данных стихов размывается, стихи допускают двусмысленное прочтение. Правда, в переводе М.Н. Муравьева тоже встречается существенный отход от первоисточника: он внес в свой текст отсутствующие в «Буколиках» строки *зри, как они заблуждаются там*, по-видимому, это свидетельствует о желании автора придать стихам большую эмоциональность и визуальность.

Переводы 11–13-го стихов Вергилия доказывают большее внимание М.Н. Муравьева к передаче эмоций и настроения римского поэта, что достигается путем акцентирования несчастья героя (*будь счастлив, я несчастный*), В.Г. Рубан ограничивается только констатацией благополучного положения Титира, который пребывает *в щастье*, не передается состояние крайней тревоги, царящей в мире пастухов, болезни Мелибея, а рассказ о его потерях сводится только к тому, что он пасет скот *в дальней полянке*, а про доходы говорит: *чуть... имею*. М.Н. Муравьев в этом отрывке семантически точнее и лексически ярче В.Г. Рубана, так как он вновь обращает внимание на положение героя-изгнанника (*козлищ влачу во изгнание*), которое усложняется физической слабостью (*с недугом насили борясь*).

При переводе 13–15-го стихов М.Н. Муравьев более точен семантически, так как В.Г. Рубан опускает

момент напряжения физических сил героя, которому с трудом приходится тащить большое животное, М.Н. Муравьев передает эту ситуацию с помощью словосочетания *сию [влачу] на верви*. Оба автора удачно показывают потерю так необходимого приплода, точно переводя Вергилия (*стада надежду, на голом камне, оставила – пали*), используют эмоциональное междометие (*увы – ах*).

В заключительных стихах (у В.Г. Рубана: 16–18-й, у М.Н. Муравьева: 18–19-й) оба автора опускают сожаление героя Вергилия по поводу своей ненаблюдательности («если ум не был бы неумелым»), но В.Г. Рубан отходит от первоисточника, синтаксически изменив текст (*я приметыв не сложныя видел, дуб надо мною разбит от грозы*), введя строчку, отсутствующую у античного автора (*часто и крик злых ворон с дубоватого клена я слышал*). М.Н. Муравьев также меняет синтаксис предложения Вергилия, употребив вместо причастного оборота деепричастный *ниспад предо мной*, но не отступив от первоисточника семантически. Переводческой удачей обоих авторов становится передача слова *зло* Вергилия более эмоциональным и образным *бедство – несчастье*.

Сопоставив два перевода начальных стихов «Буколик» Вергилия, можно отметить, что предшествен-

ник М.Н. Муравьева проделал свою работу достаточно удачно. Как и М.Н. Муравьев, В.Г. Рубан стремился как можно более точно передать лексическое и ритмическое построение текста, используя возможности русского гекзаметра, бережно отнесся к образным средствам античного автора, позволив себе при этом еще более украсить перевод с помощью собственных поэтических находок. Но синтаксическая организация текста у М.Н. Муравьева проще и одновременно ближе к первоисточнику, чем у В.Г. Рубана. Классицист В.Г. Рубан хорошо и точно передал модель построения стихотворения буколического жанра. У М.Н. Муравьева язык классицизма отгесняется языком чувств: используя античные и классицистические традиции, поэт в силу своих субъективных и поэтических пристрастий более удачно, красочно донес до читателей эмоциональный план поэмы, продемонстрировав особый талант при передаче чувств героев, настроения произведения.

Можно утверждать, что М.Н. Муравьев учился у Вергилия особому видению мира, когда простые и нежные человеческие чувства, нравственная чистота передаются через художественные пластичные образы, через умение живописать мелкие детали.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сочинения Муравьева*. СПб., 1847. Т. I.
2. *Сочинения Муравьева*. СПб., 1847. Т. II.
3. *Бродский И.* Вергилий // Старое литературное обозрение. 2001. № 2.
4. *Альбрехт М. фон.* История римской литературы. М., 2004.
5. *Тронский И.М.* История античной литературы. Л., 1951. С. 382.
6. *Сочинения Тредьяковского*. СПб., 1849. Т. I.
7. *Тредиаковский В.К.* Лирика. «Телемахиды» и другие сочинения. Астрахань, 2007.
8. *Муравьев М.Н.* Стихотворения. Л., 1967.
9. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. М., 2003. Т. II : Русская литература второй половины XVIII века: исследования, материалы, публикации. М.Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 2.
10. *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма. СПб., 1994.
11. *Античная поэзия в русских переводах XVIII–XX вв.* СПб., 1998.
12. *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. М., 2007. Т. II: Русская литература второй половины XVIII века. Исследования. Материалы. Публикации. М.Н. Муравьев. Введение в творческое наследие. Кн. III.
13. *Рубан В.Г.* Публикация Вергилия Марона Буколистических сочинений Эклога I, называемая Титир // П. Вергилия Марона Георгик, или О земледелии четыре книги... СПб., 1777.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 июля 2014 г.

CLASSICAL BUCOLICS IN M.N. MURAVYEV'S TRANSLATIONS (THE BEGINNINGS OF SENTIMENTALISM)

Tomsk State University Journal. No. 386 (2014), 18-23. DOI: 10.17223/15617793/386/3

Prokopenko Liliana B. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lilianaprokopenko@yandex.ru

Keywords: translation; Roman poetry; Vergil; bucolic; Russian literature of the eighteenth century; M.N. Muravyev; V.G. Ruban; classicism; sentimentalism.

M.N. Muravyev is one of the most distinctive figures in the Russian Enlightenment, and his time (late 18th – early 19th centuries) is marked as a crucial period when classicism and sentimentalism united and both turned to ancient literature. This paper studies the reception of Vergil's bucolic traditions in original Muravyev's works and purports to reveal the distinctions of the poetic translation of Vergil's poem "The Bucolics" made by M.N. Muravyev and by V.G. Ruban. In this paper it is important to identify classical bucolic traditions in the Russian Literature of the 18th century and in the works by M.N. Muravyev in particular. The author compares the artistic features of the initial verses (1-17) of the eclogue in the two translations. The "Bucolic" by Vergil is analyzed and new trends forming sentimentalism in M.N. Muravyev's translation are discussed. V.K. Trediakovsky was a pioneer of bucolic poetry in the Russian Literature of the 18th century. A.P. Sumarokov also wrote eclogues and idylls showing the images of shepherds and shepherdesses as a dream of ideal human relations. In 1771, at the age of 14, Muravyev wrote his "Eclogue" which clearly echoed the bucolic plot, characters and atmosphere when two swains were competing in singing in the morning. His poems "Vozvrashchenie vesny" ("The Return of Spring") and "Prekrasnoy vskhod zari" ("The Rising of a Beautiful Dawn") written in 1775 also reflect the bucolic theme. In the spring of 1778 Muravyev translated the opening verses (1-17 lines) of the eclogues of the first "Bucolic" showing his careful attitude to Vergil's text, his characters and the general atmosphere. The size of the original text and the translation itself helped to create all this. M.N. Muravyev translated the verses using the iambic dactylic hexameter reflecting their ancient style. Moreover, in his translation M.N. Muravyev successfully combined classical traditions and new trends of sentimentalism, lyricism and psychologism. The advantages of Muravyev's translation are clearly observed when we compare his work with the translation of

the same verses made by V.G. Ruban (1742-1795) in 1777. Comparing the two translations of Vergil's "Bucolic" we can notice that Muravyev's predecessor sought to convey the lexical and rhythmic construction of the text using the Russian hexameter which is referred to as the stylistic figurative means of the ancient author. The syntactic organization of the text of Muravyev's translation is simpler and closer to the original text than that of V.G. Ruban. In Muravyev's translation the classical language is pushed aside by the language of feelings. Combining ancient and classical traditions M.N. Muravyev rendered the emotional atmosphere of the poem more successfully. M.N. Muravyev is claimed to be taught by Vergil's special vision of the world, when simple and gentle human emotions and moral purity are manifested through soft artistic images, through the ability to describe subtleties and details.

REFERENCES

1. Muravyev M.N. *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg, 1847. Vol. 1.
2. Muravyev M.N. *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg, 1847. Vol. 2.
3. Brodsky J. Vergiliy [Virgil]. *Staroe literaturnoe obozrenie*, 2001, no. 2.
4. Albrecht M. *Istoriya rimskoy literatury* [History of Roman literature]. Translated from German. Moscow, 2004.
5. Tronskiy I.M. *Istoriya antichnoy literatury* [The history of ancient literature]. Leningrad: RSFSR Ministry of Education Publ., 1951.
6. Trediakovskiy V.K. *Sochineniya* [Works]. St. Petersburg, 1849. Vol. 1.
7. Trediakovskiy V.K. *Lirika. "Telemakhida" i drugie sochineniya* [Poems. "Telemakhida" and other works]. Astrakhan, 2007.
8. Muravyev M.N. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad: Sovetskiy pisatel' Publ., 1967.
9. Toporov V.N. *Iz istorii russkoy literatury* [From the history of Russian literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2003. Vol. 2, book 2.
10. Kochetkova N.D. *Literatura russkogo sentimentalizma* [Literature of Russian sentimentalism]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1994.
11. Sviasov E.V. *Antichnaya poeziya v russkikh perevodakh XVIII-XX vv.* [Antique poetry in the Russian translations of the 18th-20th centuries]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1998.
12. Toporov V.N. *Iz istorii russkoy literatury* [From the history of Russian literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2007. Vol. 2, book 3.
13. Ruban V.G. *P. Virgiliya Marona Georgik, ili O zemledelii chetyre knigi* [Publius Vergilius Maro's Georgics, or four books on farming]. St. Petersburg., 1777.

Received: 22 July 2014